Наш адрес: http://lenin-pam.narod.ru (всю книгу см. http://lenin-pam.narod.ru/stasova.zip)

Отрывки из книги:

СТАСОВА ЕЛЕНА ДМИТРИЕВНА

«СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Москва 1957 (Тираж 100 тыс. экз.)

Отец

Читая газеты и журналы, отец всегда отмечал интересные статьи и заметки и указывал их нам. В молодые годы он очень много занимался политической экономией, и в его библиотеке имелись все классики буржуазной политической экономии, которые были и моими первыми учителями. В 90-х годах, когда социал-демократическое движение стало играть крупную роль в общественной жизни, отец стал ощущать пробел в своих знаниях. Помню, однажды он обратился ко мне с просьбой изложить ему разницу в программах социал-демократов и эсеров и после этого сделал вывод: «Надо мне прочитать Маркса, а то бродишь как-то ощупью».

Дядя

Большое влияние оказал на меня дядя — Владимир Васильевич Стасов. У меня сохранились его письма ко мне начиная с моих детских лет, и надо удивляться тому, как человек, занятый большой научной и художественной работой, умел подойти к ребенку, не подделываясь под детский язык, соединяя милую болтовню с серьезными вопросами. Несомненно, он много способствовал выработке во мне самокритики и выдержки.

Благодаря Владимиру Васильевичу я уже в детстве приобрела некоторые навыки, очень пригодившиеся в моей нелегальной работе. Так, например, часто он поручал мне передать кому-либо то или другое его устное сообщение. И всегда требовал, чтобы это было выполнено «с фотографической точностью», т. е. дословно. При этом он заставлял меня повторять то, что надлежало передать. Потом я легко запоминала все, что нужно было, без записи, а это ведь часто необходимо было подпольщикам.

Он же приучил меня к аккуратности. Никогда, говорил он, не откладывай на завтра что бы то ни было. Завтра навалится столько дел, что вчерашнее придется отложить, и в результате оно останется несделанным. На письмах Владимир Васильевич всегда требовал ставить число. Иначе, говорил он, письмо будет от «мартобря» (Гоголь, «Записки сумасшедшего»). Он же приучил меня подписываться полным именем «Елена», говоря, что Е.— это может быть и Евфросинья, и Евдокия, и Екатерина.

Первое знакомство с политэкономией

Тут же я решила, что для понимания жизни необходимо познакомиться с политической экономией, а так как никто из окружающих меня людей не мог посоветовать мне, каким путем приступить к этому вопросу, то я просто принялась за изучение «Политической экономии» Джона Стюарта Милля (с предисловием Чернышевского). Конечно, работа была очень трудная, но у меня хватило настойчивости и терпения, и я одолела оба тома. Зато потом лекции по политической экономии Чупрова и книга Туган-Барановского легко воспринимались, и все это очень помогло мне при чтении «Капитала» Маркса. Кстати, III том я читала в оригинале, на немецком языке. С тех пор я усвоила себе привычку конспектировать прочитанное, что впоследствии очень облегчало мою работу.

Путь в партию

Жизнь в семье, отличавшейся всеми лучшими чертами, свойственными прогрессивной русской интеллигенции 60-х годов, постоянное общение с избранными в культурном и художественном смысле людьми, несомненно, оказали на меня большое влияние. Помню, что во мне стало все сильнее и сильнее говорить чувство долга по отношению к «народу», к рабочим и крестьянам, которые давали нам, интеллигенции, возможность жить так, как мы жили.

Мысли эти о неоплатном нашем долге сложились, конечно отчасти и под влиянием чтения. Оглядываясь назад, я вспоминаю, какое впечатление произвела на меня книга Иванюкова «Падение крепостного права в России». Она указала мне на пробел в моем образовании, и я принялась за изучение «Истории крестьянства» Семевского. Очевидно, что результатом всей внутренней работы плюс события внешней жизни, в которых немаловажную роль в то время играли студенческие демонстрации и избиение студентов полицией, заставляли меня искать приложения своих сил в практической работе.

В начале 90-х годов прошлого столетия я учительствовала в женской Воскресно-вечерней школе Технического общества в Петербурге, на Лиговке. Ученицами школы были главным образом работницы с текстильных и табачных фабрик. Таким образом, мое первое знакомство с рабочими произошло через школу. Как известно, в 1896 г. в Петербурге была забастовка текстильщиков с протестом против взимания штрафов. Забастовщики были тесно связаны с Глазовской школой для рабочих. В этой школе работали многие товарищи, связанные с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

В обеих школах, т. е. в нашей (женской) и Глазовской (мужской), мы давали нашим ученикам книги: «На рассвете» Ежа, «Эмма» Швейцера, «Борьба за право» Францоза, «Овод» Войнич, «Спартак» Джованьоли, «Один в поле не воин» Шпильгагена, «Углекопы» Золя и т. п. Кроме того, многие произведения мы читали и разбирали с учениками, например «Лес шумит» и «Сон Макара» Короленко. Часть книг каждый из нас имел в своей личной библиотеке, часть мы доставали в библиотеке Н. А. Рубакина (*прим.* Рубакин, Николай Александрович (1862—1946), русский писатель и библиограф. Его основные труды — «Среди книг» (систематический обзор русской литературы по всем отраслям знания, около 20 тысяч книг) и «Россия в цифрах» — получили высокую оценку В. И. Ленина. Написал также ряд научно-популярных брошюр, главным образом по естествознанию и географии). На уроках географии мы пользовались книгами Водовозовой «Жизнь европейских народов», которые, конечно, тоже читались наиболее развитыми учениками. Частенько мы направляли наших учеников в книжный склад и магазин А. М. Калмыковой, где они могли купить дешевые издания Комитета грамотности и других прогрессивных издательств.

Большую роль в нашей работе играл «Подвижной музей учебных пособий». Он был создан учительницами воскресных школ, так как мы испытывали большой недостаток в этих пособиях. Каждая из учительниц принесла то, что у нее было: кто гербарий, кто минералы, или спиртовые препараты, или волшебный фонарь и картины к нему, или иллюстрации, вырезанные из журналов и иллюстрированных изданий. Все это помещалось в небольшой комнате, которую выделил нам при своей библиотеке Н. А. Рубакин. Во главе Музея стояла учительница математики Мария Ивановна Стахова (она в свое время была моей учительницей). Все предметы из Музея выдавались, как книги в библиотеках.

Постепенно Музей разросся и занял в том же доме на Большой Подьяческой уже

несколько комнат, а затем один из наших абонентов, графиня София Владимировна Панина, построила для Музея дом на углу Прилукской и Тамбовской улиц, с астрономической обсерваторией, лабораторией и большим зрительным залом. В этом-то доме в 1906 г. и выступил В. И. Ленин под фамилией Карпова.

Средства для Музея собирались путем устройства лекций, лотерей. Средства нужны были в основном для оплаты квартиры и немногих служащих, так как в общем работа велась основателями Музея бесплатно.

При помощи двух сотрудников Музея: Федора Федоровича Ильина (поныне здравствующего) и Сергея Васильевича Меркулова я как-то получила одну из посылок нашей типографии — брошюру «Как русским сахаром откармливают в Англии свиней». Это можно было сделать незаметно, так как Музей получал посылки из провинции, а выносить пакеты из него тоже можно было открыто.

Работа в «Подвижном музее учебных пособий» и в вечерних школах столкнула меня близко и непосредственно с рабочими, а знакомство с Н. К. Крупской, А. А. Якубовой, З. П. Невзоровой, Е. Д. Уструговой, В. Сибилевой сблизило меня с товарищами, работавшими уже на политическом поприще. Постепенно я начала работать политическом Красном Кресте. Затем стала помогать товарищам в хранении литературы и архива партии (с 1896 г.). Одно время у меня хранились печать «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» некоторые листовки. Был среди них листок с надписью синим карандашом «Петухи» — это было воззвание к рабочим фабрики Торнтона, написанное В. И. Лениным (*прим.* См. В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 66—70). А название «Петухи» ему дали за то, что он звучал, как предрассветный петушиный крик. В числе брошюр были: «Рабочий день», «Как держать себя на допросе» Бахарева, «Пауки и мухи» Вильгельма Либкнехта, «Кто чем живет» Дикштейна и др.

Эта работа привела к тому, что в конце января или в начале февраля 1898 г., после одного из провалов товарища, заведовавшего складами литературы, Петербургский комитет партии поручил мне ведать всей техникой Комитета. Поэтому я и считаю временем вступления в партию— 1898 год.

В 1899 г. в связи с голодом в Уфимской губернии я решила поехать туда и устроить столовые для крестьян…

…Крестьяне, видя, что рассчитывалась я в столовых серебряными деньгами с изображением на них Николая II, решили, что я ни больше ни меньше, как «тетка царя» и что это он прислал меня. Помню, что вот эта темнота и приверженность к царю были одной из причин, которые навсегда оттолкнули меня от «хождения в народ».

Мало-помалу моя работа в партии расширялась, и в моем ведении были не только склады литературы, но вообще все, что касалось технической стороны работы Петербургского комитета, т. е. обеспечение всевозможных квартир для собраний, явок (*прим.* Явкой называлась квартира или другое место, в котором члены подпольной организации в определенные часы и дни могли встретиться с секретарем или с кем-либо из руководителей организации. Из конспиративных соображений явки часто менялись) ночевок, получение, хранение и печатание листовок, снабжение литературой местной организации, установка техники (гектографов, типографий). Несколько позднее на меня была возложена переписка с партийными организациями России и с заграничным центром. Одновременно я входила в финансовую комиссию, добывавшую средства для партии, что делалось путем устройства концертов, лекций, продажей фотографий, печатанием открыток и т. д.

АГЕНТ «ИСКРЫ»

Транспортировка литературы

С момента возникновения «Искры» и начала борьбы по собиранию и созданию партии я была агентом «Искры». Поэтому относительно получения литературы мне хочется здесь рассказать подробнее. Способов транспортировки было много. Я остановлюсь только на наиболее распространенных.

Из Швейцарии мелкий транспорт литературы получался так: склеенные экземпляры газет, напечатанные на специальной тонкой бумаге (которую англичане употребляли для своих «миссионерских» изданий), заделывались в переплеты невинных детских книг или каких-либо альбомов. Сняв переплет, можно было размочить в теплой воде газеты, отделить лист от листа, просушить и свободно читать их.

Специальная мастерская на Бассейной улице (ныне улица Некрасова) получала аляповатые гипсовые фигуры, в которые заделывалась нелегальная литература, а потом, после изъятия литературы, эти фигурки продавались на улицах Питера.

Близость Финляндии к Петербургу давала возможность Центральному и Петербургскому комитетам РСДРП использовать особое положение Финляндии, имевшей свою конституцию и свободно получавшей через Швецию и Норвегию все издававшееся в Европе. В начале 900-х годов мы стали получать литературу через Финляндию. Вначале мы получали ее в очень небольшом количестве при посредстве сочувствующих нам кондукторов, кочегаров и машинистов Финляндской железной дороги. Эта литература шла через Швецию, где всем транспортом ведал литератор Конни Циллиакус. Он совершенно не разбирался в русских политических партиях, считал их все «революционными», и мы частенько получали вместо ожидаемых большевистских изданий издания меньшевиков, бундовцев, социалистов-революционеров или «экономистов». У нас не было ни малейшего желания нагружаться этой литературой, подвергаться из-за нее риску быть арестованными на станции Белоостров. Но отказ взять у товарищей финнов в Куоккале, Териоках или в Выборге привезенную литературу привел бы к тому, что они отказались бы впредь перевозить литературу из Гельсингфорса. Это грозило остановить доставку из Стокгольма и погубило бы весь контрабандный транспорт литературы. А ведь наши организации так в ней нуждались.

Необходимо было поставить дело транспорта так, чтобы мы могли быть уверены во всем пути, начиная от Женевы, где печаталась литература, и до самого Питера.

В самой Финляндии существовали в то время группировки «активистов» и «пассивистов». Одни боролись за независимость Финляндии активными путями (главным образом путем индивидуального террора), другие—пассивно (через печать). Обе группы охотно помогали русским революционерам; при их посредстве мы находили достаточное количество нужных нам квартир, адресов и т. д., чтобы получать литературу, давать явки, прятать нелегальных товарищей, бежавших из тюрьмы и пробирающихся за границу.

Одним из самых активных наших помощников того времени был журналист Артур Неовиус, высланный из Финляндии и поселившийся в Стокгольме. Через него шла переписка Петербургского комитета партии с Ильичом и Надеждой Константиновной. В письме в Женеву от 4 февраля 1905 г. я дала адрес Неовиуса Надежде Константиновне с просьбой выслать на его адрес «Вперед» и указывала, что лучше всего вкладывать «Вперед» внутрь какой-нибудь легальной иностранной газеты, которая пересылалась бандеролью.

Массовая пересылка литературы багажом шла в адрес «Народного дома» в Стокгольме и оттуда на пароходах «Борэ I» и «Борэ II» направлялась в Гельсингфорс, а

затем в Выборг. С «Народным домом» мы были связаны непосредственно через руководителя социал-демократической партии Швеции Брантинга,

Недалеко от почтовой и таможенной станции Коркиямякки находилось имение Кириасалы Софии Игнатьевны Бурениной, матери Николая Евгеньевича Буренина, ставшего активным работником нашей партии (*прим.* Н. Е. Буренин носил кличку «Виктор Петрович», т. е. имя и отчество черносотенца-писателя В. П. Буренина. А еще мы звали его «Небуренин», присоединив к его фамилии первые буквы его имени (Николай) и отчества (Евгеньевич)). Это имение сослужило большую службу в деле транспорта литературы Н. Е. Буренин организовал для местных жителей, в том числе и для таможенников, чтения с волшебным фонарем который он получал из «Подвижного музея учебных пособий» в Петербурге. Буренину приходилось через станцию Коркиямякки в санях или на телеге привозить фонарь и картины и отвозить их обратно. Он так часто это делал, что в конце концов таможенники перестали его досматривать; и вот он на обратном пути привозил в Петербург нашу нелегальную литературу.

Однажды мне самой пришлось поехать за литературой, потому что Буренин не мог поехать, а литература нам срочно была нужна. Я приехала в виде гостьи в Кириасалы. На обратном пути Буренин посадил меня в телегу на ящик, и я спокойно привезла литературу на дачу около станции Парголово. А уж с дачи мне предстояло перевезти ее к себе на квартиру в Петербург. Но везти ее в ящике нельзя было. Я переложила всю литературу в портплед и в большую деревянную коробку из-под шляпы и благополучно довезла до своей квартиры. Но когда я вошла в подъезд, то ремни коробки не выдержали тяжести и лопнули, а литература веером высыпалась к ногам нашего швейцара (служившего когда-то в Преображенском полку). Ну, думаю,—пропала. Но швейцар и его жена сделали вид, что ничего не заметили, и даже помогли мне подобрать литературу. Я поднялась домой, вызвала товарищей, и через час у меня ничего не было.

Оказалось потом, что этот бывший преображенец сочувствовал мне и моему брату, и, когда были шпики, он предупреждал брата. А после Октября 1917 г. он пришел ко мне, чтобы я его защитила, потому что его, как бывшего преображенца, «прижимали».

В Выборг литературу привозили железнодорожники Финляндской железной дороги. Здесь был книжный магазин, в который она поступала и откуда мы должны были ее получать. Из Выборга я ее привозила в дачные места, а потом от дачников ее забирали разносчики литературы и привозили в Петербург. При этом приходилось прятать литературу под одежду, а не везти ее пакетами, поскольку все дачные места, вроде Мустамяки, Куоккала, Териоки, Оллила и других, находились на территории Финляндии и в Белоострове приходилось подвергаться таможенному осмотру. Таможенники обязаны были просматривать все пакеты и, несомненно, задерживали бы литературу.

Был у нас и специальный способ получения литературы с вокзалов в тех случаях, когда она прибывала багажом. В Петербурге была артель посыльных, или, как их называли, «красные шапки». Одному из товарищей вручалась накладная на багаж. Ему надлежало нанять посыльного с тем, чтобы тот поехал на городскую станцию, а самому следить за посыльным: за тем, как он выйдет из вокзала, будет ли кто-нибудь его сопровождать и т. д. Увидев, что все благополучно, он немедленно спешил на ту квартиру, где я его дожидалась.

При выносе литературы ее полагалось всегда нагрузить на себя. Выносить пакеты в руках нельзя было, так как пакет привлекал внимание шпионов. Итак, люди

нагружались и уходили поодиночке. Я уходила последней, чтобы унести всю оставшуюся литературу. У меня выработалась привычка — никуда не ходить без портфеля. Даже в театр или в концерт я шла с портфелем, и вследствие этого я и у шпиков была отмечена как «девушка с портфелем». Когда я знала, что мне предстоит нести литературу, то дома я набивала портфель мятой бумагой, чтобы сделать его пухлым, и на улице я время от времени перекладывала его с руки на руку, как очень тяжелый. Ну, а набив его литературой, я уже естественно перекладывала его с руки на руку.

Товарищи, нагрузившись, конечно, полнели. Владелец одной из квартир, где мы получали литературу, врач К. А. Крестников, смеясь говорил, что он великолепно лечит больных, так как его пациенты сразу полнеют. Я же при помощи портфеля и благодаря своему росту уносила до пуда литературы.

Был один такой случай на квартире у Буренина в Петербурге. Последними должны были уходить Николай Николаевич Штремер и я. Для того, чтобы нагрузить на себя литературу, я должна была совсем раздеться. Хозяин комнаты и Штремер стали лицом к окошку. Я пошла в глубь комнаты и только принялась за дело, как входит кухарка. По непростительной для подпольщиков оплошности мы забыли запереть дверь. В глубине комнаты стоял лишь ма-иенький китайский столик, за который я, конечно, не могла спрятаться. Представьте себе картину: два молодых человека и раздетая молодая девушка. Увидев это, кухарка остолбенела. Хозяин квартиры, подхватив ее под руку вылетел с ней из комнаты. Мы так хохотали, что я долго не могла ничего сделать.

Когда мы получали литературу на квартиру, то через час ни одной книги, ни одной брошюры не должно было там оставаться. Не должно было оставаться и чемоданов, корзин, с тем чтобы при возможном появлении полиции не было никаких следов. Таковы были правила конспирации.

Кто были разносчиками в то время? Главным образом студенческая молодежь. В Петербургский комитет входил тогда представитель от высших учебных заведений (от студенческой молодежи). Студенчество нам помогало в очень многих отношениях. Они давали квартиры для явок. Явки были в столовой Технологического института, в Военно-медицинской академии, в столовой Петербургского университета (*прим.* Устроить явку в университете помог студент Ш. Элиава) и на многих частных квартирах.

Студенты в своих общежитиях устраивали на ночь товарищей, которые приезжали из-за границы или из провинции и, как нелегальные, не имели возможности где-либо остановиться, так как не имели паспорта. Некоторые студенты хранили литературу в общежитиях.

На мне лежала и обязанность печатания листовок. Мы должны были их печатать на гектографе. Но при покупке гектографической массы частными лицами их квартиры стали бы известны и, следовательно, за ними был бы надзор. Это лишило бы нас возможности что-нибудь печатать. Поэтому гектографическую массу мы должны были варить сами. Для этого надо было иметь желатин и глицерин. Желатин было легко купить, но глицерин в аптеках продавался только в определенном и ограниченном количестве. Чтобы сварить гектографическую массу, надо было, следовательно, поручить ряду товарищей приобрести достаточное количество глицерина.

С бумагой тоже были затруднения. Чтобы не вызвать подозрений, надо было обойти ряд магазинов, собрать бумагу, потом нагрузить ее на себя и отнести туда, где печатались листовки. Я вспоминаю одну майскую листовку 1901 г. Тогда, перед

майскими днями, полиция произвела очень много арестов, и были, конечно, арестованы некоторые члены Петербургского комитета. Для того, чтобы показать, что Петербургский комитет существует (хотя он влачил в то время жалкое существование, потому что мало было ответственных работников), мы решили распространить листовки и даже разослать их по почте таким именитым адресатам, как обер-прокурор Победоносцев, министр внутренних дел Дурново и т. п.

Нас собралось несколько человек: работавшая с нами учительница Мария Ивановна Девель, учительница воскресной школы Вера Петровна Майкова и я. Часов до 12 ночи мы написали до 50 конвертов и вложили листовки. Затем мы вдвоем с Майковой должны были уйти и опустить все эти письма. Нельзя было опускать близко от квартиры Девель, чтобы не навести на след этой квартиры, которой мы часто пользовались для разных дел. По штемпелю почты на конвертах полиция могла бы взять на подозрение весь близлежащий район. Мы шли по разным улицам и опускали конверты в разные ящики. Пришла я домой около часу или двух ночи. Встречает меня брат и говорит: «Кто-то из твоих оставил записку и на словах еще сказал, чтобы завтра к 7 часам утра доставить на Путиловский завод фельдшерице Лидии Николаевне Бархатовой (*прим.* Л. Н. Бархатова—член КПСС с 1903 г., окончила Рождественские курсы, затем работала фельдшерицей на Путиловском заводе. Впоследствии вела революционную работу в Баку и Москве. В настоящее время—персональный пенсионер) знамя для демонстрации».

Пришлось в 5 часов утра встать, уйти уже не с парадного, а с черного хода, чтобы не обратил внимания швейцар, найти ночного извозчика и поехать опять туда же — к Марии Ивановне Девель, которая приготовила знамя. Приехала к ней, подняла ее с постели, обмоталась этим красным знаменем, нашла ночного извозчика, доехала до Л. Н. Бархатовой, и к 8 часам утра я уже была дома.

Кроме квартир для явок, для складов, для собраний, нужны были квартиры для ночевок. Одной из таких была квартира покойного президента Академии наук СССР в Л Комарова. Квартира была удобна тем, что входы в нее были с разных сторон. Его же адресом мы пользовались для получения писем.

Местом хранения литературы была мастерская скульптора И. Я. Гинцбурга в Академии художеств на Васильевском острове. Вход в Академию тоже был с разных сторон, а литературу удобно было хранить внутри бюстов и статуй.

В Академии художеств была также явка на постоянной выставке, где работала секретарем член нашей организации Леонтович. Явка эта была безукоризненной. Но был случай, когда я должна была встретиться там с М. М. Эссен и не встретилась. Мы обе долго ходили по выставке, да так друг друга и не нашли. Дело в том, что я была одета, как элегантнейшая дама — на мне была шикарная шляпа, отделанная соболем, вуалетка, лорнет в руках. В конце концов я пришла к Леонтович и говорю ей: «Нет Эссен». Она отвечает: «Эссен думала, что увидит курсиху, а тут такая элегантная дама».

На мне лежало также получение «Искры» из-за границы. Кроме посылок, отправляемых железнодорожным транспортом, мы получали ее и в письмах. Адреса для таких писем и вообще для корреспонденции из других городов России и из-за рубежа были у нас во всех частях города.

Партийная переписка

Многие теперь не имеют понятия, что представляла собой корреспонденция того времени. Между II и III съездами партии в адрес Н. К. Крупской поступало до 300 писем в месяц. А что значило тогда написать письмо, например, Ильичу? Прежде всего надо было написать текст письма, который должен был дойти до Ильича. За-

тем следовало подчеркнуть все те места, которые надо зашифровать. Затем зашифровать все отмеченные места. После этого необходимо было все зашифрованные места проверить. Если бы при шифровке была сделана ошибка, нельзя было бы разобрать написанное. Затем писалось внешнее письмо на каком-либо иностранном языке. Ведь Н. К. Крупская не могла получать письма на свой адрес, так как, конечно, их квартира была под наблюдением и все письма из России вскрывались и просматривались (перлюстрировались). Поэтому письма направлялись и в Германию, и в Англию, и во Францию, а уже оттуда пересылались Крупской. Надо было написать такое письмо, которое не обратило бы на себя внимания. Так было и при переписке в России, и мне не раз приходилось ругать людей за то, что они писали такие письма: «Милый друг, я твое письмо получил, за что благодарю, сейчас писать не могу». В то время 7 копеек (стоимость почтовой марки) были большие деньги, и полиция, когда вскрывала письмо, конечно, обратила бы внимание на такой текст. Письмо надо было написать продуманно. И, наконец, последняя процедура — между строк внешнего письма химией написать то, что было написано с зашифровкой. Времени на это уходило много, и можно себе представить, какая огромная работа лежала на Н. К. Крупской и на тех двух помощниках, которые у нее были.

Шифром переписки с Надеждой Константиновной у нас была басня Крылова «Дуб и трость», потому что в этой басне есть решительно все буквы алфавита. Так как мы часто пользовались этим шифром, мы знали наизусть, в какой строчке какая буква стоит. Это важно было потому, что, как бы чисты у вас ни были руки, если вы каждый день проводите пальцем по строкам, то какие-то следы остаются на книжке и в конце концов страница пачкается. Мы с Надеждой Константиновной все же из предосторожности писали басню на отдельной бумажке, а потом по ней шифровали.

Были и другие способы шифровки. Когда на явку приходили товарищи и приносили с собою различные адреса, взять их в написанном виде с собою я не могла. Я не уверена была, что по дороге меня не задержит полиция, поэтому мне надо было адрес зашифровать. Для этого у меня, как и у других товарищей, был свой собственный шифр. Он составлялся из семи слов, содержащих все буквы алфавита.

1. Телефония
2. Привычка
3. Хитрюга
4. Будущее
5. Мездра
6. Сцепщик
7. Женшень

Каждая буква обозначалась в шифре двумя цифрами: порядковым номером строки и местом, которое буква занимала в слове. Так, например, буква Л в моем шифре обозначалась цифрой 1—3 (1-я строка, 3-я буква). Кроме того я могла менять шифр, например, назвать первую строчку восьмой, потом пятнадцатой, потом двадцать второй. Один раз буква Ф может быть 1—5, другой— 8—5, третий — 22—5.

Я шифровала так же быстро цифрами, как писала бы буквами, так как, конечно, знала наизусть — в какой строке какое место занимает буква. Вот образец зашифрования слова провокатор—21341624166756 33, 15622. Как видите, сплошной ряд цифр и только в одном месте стоит запятая. Это для того, чтобы показать, что 15 это не 1-я строка, 5-я буква, а 15-я строка, 6-я буква.

Вначале, когда адресов было немного, я их прятала очень просто: писала на очень тонкой папиросной бумаге и вкладывала в корешок какой-либо книжки в своей библиотеке. Но, когда адресов накопилось много, надо было изобрести что-то другое. В

Петербурге была адресная книга, которая называлась «Весь Петербург». Когда старый год кончался, я забирала книгу у родителей и в нее записывала адреса, но также шифром. На определенной странице с левой стороны в строчке я ставила легонькую точку, обозначавшую числитель. С правой стороны в той же строчке я ставила опять-таки легонькую точку — это был знаменатель. Условный шифр был знаком моему преемнику на случай моего провала. Ему же была известна и та страница, с которой я начинала свою запись, и, таким образом, он мог получить все адреса. А шифр был тот же — из 7 строк.

Получение паспортов

Кроме переписки с Россией и с Ильичом, на мне лежала обязанность получения паспортов. Это тоже было не простое дело. Но в этом очень помогал нам двоюродный брат М. И. Калинина — старший дворник Конон Савченко, живший недалеко от меня. Он был на хорошем счету у полиции. Все старшие дворники, как и швейцары, состояли на службе у полиции и, следовательно, за ними не следили. И когда случалось что-нибудь экстренное, например, нет у меня явки, нет возможности спрятать на ночь приезжего, я спокойно шла к Конону, и он в дворницкой прятал приезжего.

Когда кто-нибудь из жильцов дома умирал в больнице, на обязанности старшего дворника лежало получить обратно его паспорт. Все паспорта покойников, которые приходились на Конона и его ближайших друзей — старших дворников, он давал нам. Это были так называемые «железные паспорта»: если бы поступил запрос по месту выдачи, выдан ли паспорт на имя такого-то, то ответ был бы утвердительный. Значит, человек может спокойно жить по этому паспорту. Когда Конон ходил в больницу получать паспорта покойников, некоторые соседние дворники просили его: «У меня такой-то помер, возьми его паспорт». А он, когда возвращался, говорил: «Знаешь, твоего паспорта нет, потеряли его». А сам, конечно, сохранял его для партии.

Финансы

Кроме всего этого, нужно было еще иметь деньги для работы, а денег-то у нас и не было. Каким же образом мы их доставали? Во-первых, студенты нам очень помогали. Официально они устраивали концерты для неимущих студентов. Но как из этих сумм получить деньги? Нужно ведь отчитаться по количеству проданных билетов. Тут нам помогали рабочие типографий. Они печатали билеты в двойном количестве. Мы отчитывались в меньшем количестве проданных билетов, а остальные оставляли себе. Кроме того, устраивался буфет и продавали не только чай, но также коньяк и водку, что было запрещено. Водку и коньяк наливали в чайники: под видом кипятка — водку, а под видом чая — коньяк.

Другой доход был от устройства лекций в частных квартирах. Такие лекции часто устраивались у нас на квартире. Мои родные охотно содействовали их устройству. Из большой комнаты — зала выносилась вся мебель, ставили стулья в ряды, и приглашались гости. Текст приглашения: «Поликсена Степановна и Дмитрий Васильевич Стасовы просят Вас пожаловать в такой-то день и такой-то час на чашку чая». Приглашение оплачивалось. Обыкновенно тот, кому поручалось раздать их, получал деньги; но можно было уплатить деньги и придя на лекцию. Для этого в передней ставился поднос. Кто-нибудь должен был дежурить в передней и, если бы пришла полиция, немедленно прятать деньги в карман. Я помню одну лекцию Туган-Барановского на нашей квартире. Как раз на эту лекцию нагрянула полиция с черного и парадного ходов, задержала всех и переписала. В числе посетителей у

нас была тогда и графиня Панина, родственница князя Вяземского, начальника удельного ведомства. Тот поднял бучу. «Как! Мою двоюродную сестру — графиню Панину смели переписать...» И вот Вяземский напустился на Клейгельса (петербургского градоиачальника) (*прим.* Про них обоих было сложено несколько строк по поводу демонстрации на Казанской площади: Смирно! Стой! кричит удельный, Бей! руби! кричит бездельный Клейгельс генерал) и требовал его извинения. Клейгельс звонил моему отцу и извинялся.

Помню другой случай. Была такая же лекция у присяжного поверенного О. О. Грузенберга. На ней А М. Горький впервые читал своего «Человека». Впечатление было необыкновенное, и присутствующие хотели, чтобы он прочел «Человека» после чаепития второй раз. За чаепитием жена Грузенберга, ухаживая за Алексеем Максимовичем, сделала ему сандвич с каким-то очень острым сыром, которого Алексей Максимович, очевидно, никогда в жизни перед тем не ел. Я сидела против него и увидела, как он взял сандвич в рот и не знает, что делать. Выплюнуть? — Неприлично. Проглотить? — Нет мочи. Наконец, он проглотил. Я расхохоталась. Жена Грузенберга спрашивает: «Что такое, Алексей Максимович? Я еще Вам сделаю». «Нет, нет,—сказал он с ужасом,— я совсем сыт, я возьму печенье...»

Для получения денег мы издавали кое-что. На моем процессе в Тифлисе в 1913 г. были перечислены очень любопытные вещи, выпущенные нами в Петербурге. Помню, мы распространяли стихи «Лес рубят», посвященные событиям 1901 г.:

Лес рубят, молодой еще, зеленый лес,
А сосны старые понурились угрюмо
И, полны тягостной неразрешимой думы,
Печальные глядят в немую даль небес.
Лес рубят оттого, что слишком рано он запел,
Что песней радостной своей будил природу.
Что слишком громко он запел
Про счастье, радость и свободу.
Лес рубят. Но земля укроет семена,
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется бойцов зеленая стена,
И зашумит она над братскою могилой.

Одно стихотворение с карикатурой было найдено у меня при обыске. В деле значилось: «кощунственный рисунок». Это уже касалось 1904 г. (Порт-Артурской экспедиции) и событий 9 января 1905 г. Было изображено так: стоит Николай II, штаны у него спущены, обеими руками он держит рубашку. С одной стороны стоит Победоносцев и обращается к государю: «Разрешите, ваше величество, я подержу сорочку». Николай отвечает: «Оставь, я сам самодержец». А с другой стороны японец его сечет. Подпись под рисунком была следующая:

Вот, наконец, сошел на наши флаги
Счастливый луч удачи боевой:
Там, в Порт-Артуре, отдали мы шпаги,
Но здесь, на Невском, полные отваги,
Мы ринулись и выиграли бой.
О, славный час! Победы нашей рати
Ждала вся Русь, давно была пора,
Пускай погибли сотни наших братии
И Русь полна рыданий и проклятий,

Но спасена честь армии. Ура!

После Порт-Артурского поражения была выпущена открытка: Витте с венчиком вокруг головы, как на иконе, с надписью: «Портсмутский божия матерь мироточивая». Это был намек на мир, заключенный Витте в Портсмуте.

Был еще один рисунок, взятый из немецкого сатирического журнала. Он изображал в верхней части большой занавес с царскими эмблемами, перед ним стоит на коленях крестьянин в лаптях и говорит: «Я ищу пути к твоему сердцу, государь». Нижняя часть — тот же занавес раздвинут, показалось дуло стреляющего ружья. Крестьянин падает. Подпись: «И я к твоему».

Еще были открытки с портретами Н. Э. Баумана, лейтенанта Шмидта (*прим.* Полную коллекцию всех открыток, которые мы тогда выпустили, я в 1932 г. передала в Музей Ленина).

Распространяли мы также одну гравюру, которую мы получили из Финляндии. Было это в то время, когда финляндский генерал-губернатор Бобриков хотел отнять у Финляндии конституцию, данную ей в 1809 г. Художник изобразил следующее: красивая молодая финка с распущенными волосами, в белом платье (пояс — с пряжкой в виде финляндского герба). Она держит в поднятых руках над головой книгу с надписью «Lex» (закон). Из облаков спускается двуглавый орел, который вцепился когтями в эту книгу и хочет ее отнять.

Финансовые дела оставались в моих руках, как члена финансовой комиссии, в течение долгих лет моей работы в Петербурге.

Политический «Красный Крест»

Заведующий техникой обеспечивал также через так называемый политический «Красный Крест» связь с заключенными, передачи для них, заботился о том, чтобы они знали, в чем обвиняют круг лиц, связанных с ними. Для этого было много способов. Одним из них была посылка «женихов» и «невест» на свидания с заключенными. Не у всех арестованных были родные, значит, нужно было находить «женихов» и «невест». В. И. Ленин, будучи заключенным, передал через сестер, чтобы к нему пришла «невеста». Незадолго до своей смерти Надежда Константиновна рассказывала мне: «Мария Ильинична пришла ко мне и сказала, что надо пойти к Владимиру Ильичу невесте. Я подумала — я ли должна пойти или кто другой. И я пошла, и оказалось — правильно».

Какие черты должен был воспитывать в себе партийный работник в нелегальное время?

Какие черты должен был воспитывать в себе партийный работник в нелегальное время? Во-первых, точность. Не всегда можно было встретиться с товарищами на квартире, иногда приходилось встречаться на улице, на каком-нибудь углу, и тут нужна была точность. Если вы придете с опозданием, товарищу приходится в ожидании вас прохаживаться. Этим он обращает на себя внимание городового, шпика, дворника, которые были на всех углах. Следовательно, вы ставите под наблюдение полиции и товарища и себя. Надо было минута в минуту сойтись и идти дальше. Тогда ваша встреча проходила незамеченной.

Явки на квартирах часто бывали у врачей, у адвокатов. Приемные часы у них тоже определенные. Значит, нужно вовремя прийти и вовремя уйти.

Затем нужна наблюдательность, внимание к окружающему. Эти черты мы воспитывали в себе так: например, я вхожу в комнату, и товарищ мне говорит: «Отвернись и скажи, что ты видела?». И я должна была перечислить все, что заметила, войдя в комнату.

Кроме того, мы должны были вырабатывать умение владеть своим лицом. Когда нас брали на допрос, допрашивающие садились спиной к свету, а нас сажали против света и наблюдали за выражением лица. Значит, надо было так владеть им, чтобы даже никакая игра в глазах не выдала бы наших мыслей и чувств.

У нас не принято было спрашивать друг у друга о том, что тебя не касается. Когда я заведовала техникой, я, конечно, знала товарищей, занимавшихся агитацией и пропагандой, но их подшефных, т. е. тех, кто посещал их кружки, я не знала. Они могли мне дать поручение: снести на такую-то квартиру литературу для рабочих. Но какой это кружок, кто руководил им, этого я никогда не знала и не спрашивала об этом.

Бдительность всегда имела и сейчас имеет большое значение. Мне хочется привести отрывок из письма, которое я получила в 1933 г. от Вячеслава Рудольфовича Менжинского. Он, между прочим, писал мне следующее:

«Мало осталось товарищей, которые своими глазами видели начало твоей подпольной работы в Питере 90-х — 900-х годов, а я работал под твоим началом около 4 лет, видел твои первые шаги в качестве партийного руководителя и могу смело сказать, что до сих пор не встречал работников, которые, вступивши на поле подпольной деятельности, сразу оказались такими великими конспираторами и организаторами — совершенно зрелыми, умелыми и беспровальными.

Твой принцип — работать без провалов, беспощадно относясь ко всем растяпам, оказался жизненным и после Октября, даже в деятельности такого учреждения, как ВЧК — ОГПУ. Если мы имели большие конспиративные успехи, то и твоего тут капля меду есть — подпольную выучку, полученную в твоей школе, я применял, насколько умел, к нашей чекистской работе».

Большую работу по усилению влияния «Искры» в Петербурге проделал Иван Иванович Радченко («Аркадий»), который приехал по явке от Н. К. Крупской прямо ко мне и просил меня дать ему связи с «Союзом борьбы». И. И. Радченко был представителем Организационной комиссии по созыву II съезда партии и представителем организации «Искры». Я связала его тогда с секретарем Петербургского комитета Николаем Алексеевичем Аносовым, но и лично все время поддерживала с ним связь, и вся переписка «Искры» с Петербургом велась нами совместно. Много помогали при этом Варвара Федоровна Кожевникова-Штремер и уже упомянутый мною Николай Николаевич Штремер. Это были члены нашей «Искровской» организации, которая вела усиленную борьбу с «экономистами» — Токаревым, Аносовым и другими.

В. Ф. Кожевникова, по профессии фельдшерица, работала в Военно-медицинской академии в Петербурге, и у нее была одна из явок Петербургского комитета. Позднее она работала в Комковской психиатрической больнице, Новгородской губернии, и через нее шла связь с Новгородской организацией. Н. Н. Штремер, врач, также работал в Военно-медицинской академии в Петербурге. У него на квартире некоторое время был склад литературы и явка для приезжих. Впоследствии явка была у него и его жены В. Ф. Кожевниковой на станции Молосковицы, Балтийской железной дороги.

«Союз борьбы» и «Искра» не слились в Петербурге и имели на II съезде отдельных представителей. От «Искровской» организации представителем был выбран т. Шотман. Кандидатом от Петербургского комитета единогласно была выдвинута я, но затем вопрос был решен отрицательно: местная организация не могла отпустить меня из-за моих связей и невозможности заменить меня в области техники — адресов, квартир и т. д. Тогда был выбран Гольман («Игорь», «Адель»), но на границе он был арестован и на съезд не попал. А от «Союза борьбы» поехал кто-то другой, кто

именно — не помню, кажется, жена Тахтарева.

Была еще организация примиренцев, к которой принадлежала группа врачей за Невской заставой (Лукомский и другие). Во время выборов делегатов на съезд эта организация также предъявила требование на одного представителя. Дело разбиралось в течение 3—4 заседаний комиссии, которая, согласно инструкции Организационной комиссии, должна была установить, имеет ли данная группа или организация право на представительство. Таким правом, насколько помню, пользовалась организация, которая могла доказать, что существует не то 3, не то 6 месяцев, имеет за собой не только комитет, но и действительных членов-рабочих, выпустила такие-то печатные или иным способом размноженные воззвания, прокламации или брошюры, газеты, провела такие-то собрания — пропагандистов, агитаторов, имеет столько-то рабочих кружков и т. д. Комиссия составлялась из представителей двух ближайших комитетов плюс представитель Организационной комиссии. В Питер приехала представителем от Тверского комитета Л. М. Книпович («Дяденька») и от Московского — не помню кто. Сначала на заседания пошел член Петербургского комитета В. П. Краснуха, но так как он не был посвящен во все мелочи организационной жизни как «Искровской» организации, так и «Союза борьбы» и примиренцев, то не мог ответить на ряд вопросов, и комиссия вызвала меня.

Чтобы проверить, нет ли слежки и прийти в комиссию «чистой», решено было, что за мной пойдет свой «шпик»—Р. М. Шапиро (*прим.* Шапиро Раиса Моисеевна (по мужу Окиншевич) была слушательницей Рождественских фельдшерских курсов, состояла в большевистской организации курсов и была моим помощником по хранению и транспортировке литературы, по устройству явок), которая в известном месте догонит меня и сообщит, все ли в порядке. Так и сделали. Оказалось, что за мной неотступно идут двое. Пришлось пуститься на хитрости. Так как мне необходимо было с Выборгской стороны попасть на Петербургскую, те я решила пешком перейти Сампсониевский мост и на Большой Дворянской взять первого попавшегося извозчика. Извозчики там редки, и, взяв его, я могу рассчитывать, что мои провожатые останутся с носом. Но удалось устроиться еще лучше. На середине моста меня обогнала Введенская конка, следом за нею послышалась и Михайловская. Не долго думая, я на ходу вскочила на площадку и так исчезла из поля, зрения не только полицейских шпиков, но и товарища следившего за мной. Так я благополучно добралась до комиссии и смогла дать все нужные разъяснения, которые позволили комиссии постановить, что за группой примиренцев не стоит никакой организации и потому они не имеют права на представительство на съезде.

* * *

Угроза ареста

В конце декабря 1903 г. я на несколько дней уехала передохнуть к своим друзьям Варваре Федоровне Кожевниковой и Николаю Николаевичу Штремер на станцию Молосковицы, Балтийской железной дороги. Вернувшись в Петербург, я узнала, что С. К. Каверина (*прим.* Воспитанница Владимира Васильевича Стасова, помогавшая нам в хранении литературы и в связи с этим арестованная) передала из тюрьмы, что, очевидно, на днях меня арестуют, так как одна молодая женщина, которую я недавно привлекла к обслуживанию складов (переноска литературы), была задержана и раскрыла мою кличку. Ясно, что оставаться в Петербурге было бессмысленно, и я в тот же вечер уехала из Питера обратно в Молосковицы. На вокзал меня провожал К. А. Крестников, военный врач, приехавший в отпуск из Минска. Сопровождение военного человека в таких случаях служило некоторым «легальным при-

крытием» и избавляло от слежки.

Уехала я в Молосковицы с целью замести следы, а на самом деле я держала путь в Киев, куда меня телеграммой вызывал член ЦК Глеб Максимилианович Кржижановский.

Приехав в Молосковицы в 12 часов ночи, я в 3 часа уже выехала опять на станцию, чтобы по Балтийской железной дороге добраться до Тосно, там с другого вокзала доехать до Гатчины, опять пересесть на Варшавскую железную дорогу и ехать до Вильно, откуда я уже могла направиться прямо в Киев.

Добралась я туда благополучно, нашла Кржижановского, но оставаться в Киеве нельзя было, так как там только что произошли крупные аресты. Кржижановский проинструктировал нас о предстоящей работе, но рекомендовал немедленно уехать на время в какое-либо тихое место. Такая же инструкция была дана и М. М. Эссен («Зверю»), приехавшей в Киев несколько раньше.

Хорошо сказать: уехать! А на на какие средства? У Кржижановского денег не было для нас. У нас вдвоем нашлось только несколько рублей. Что же делать? У «Зверя» было золотое обручальное кольцо, у меня — золотая цепочка для часов и какая-то брошка — не то с жемчугом и аметистом, не то какая-то другая. Заложили все в ломбарде, купили билеты и уехали в Минск, где, кроме Крестникова, жил еще партийный товарищ — инженер Михаил Николаевич Кузнецов, адрес которого был у нас.

Доехали до Минска, разыскали Кузнецова и кое-как устроились у него, до именно кое-как, ибо он был человек семейный, имей ребенка и жена его не очень-то дружелюбно относилась к нашему нелегальному приезду. Перебраться к Крестникову нельзя было, так как он еще не вернулся из Петербурга. Перебились пару дней, потом «Зверь» устроилась еще у кого-то из товарищей, а затем уехала за границу, а я, дождавшись, возвращения Крестниковых, переехала к ним, где и оставалась вплоть до отъезда своего в Орел на работу.

Провожая меня в Орел, товарищи решили изменить мою внешность: выкрасили мне волосы и брови, налепили мушки на щеки. Занималась этим делом Е. П. Крестникова. Она же снабдила меня и своим паспортом на имя вдовы Елизаветы Павловны Беклемишевой, по которому я и прописалась в Орле, а позднее и в Москве.

В Орле я должна была совместно с членом ЦК Марком Любимовым поставить технику и организовать Северное бюро партии, но связей было мало и дело плохо ладилось. По партийному заданию я ездила в Смоленск к Федору Васильевичу Гусарову, военному врачу, руководившему военной работой. По тем же военным делам ездила я и в Вильно к Ивану Ивановичу Клопову.

На обратном пути из Вильно я опять заезжала в Минск к Крестниковым. В Минске у нас была хорошая организация и своего рода небольшой центр. Когда после революции я бывала там, то часто вспоминала дореволюционный Минск и то полунищенское существование, которое вело здесь еврейское население города. В годы Великой Отечественной войны я вновь невольно возвращалась мыслью к Минску и с ужасом думала о том, что пришлось пережить населению этого города.

В работе Минской организации я, будучи там, непосредственного участия не принимала, но М. Н. Кузнецов, который вел работу среди железнодорожников и местного населения, а также другие местные работники не раз приходили ко мне. Кроме того, я восстановила переписку с Н. К. Крупской и установила постоянную связь Минска с нашим партийным центром.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

В апреле 1904 г. по вызову центра я уехала в Москву, где впервые встретилась с Германом Борисовичем Красиным, к которому у меня была явка. Прожила пару дней у него, а потом нашла себе комнату в Большом Успенском переулке, позади Екатерининской больницы, у Петровских ворот, и принялась за свою обычную секретарскую работу.

В Москве я встретилась с Н. Э. Бауманом (партийная кличка «Грач»), П. А. Красиковым и Ф. В. Ленгником (партийная кличка «Курц»). Все мы входили в Северное бюро ЦК партии. Мы вели активную борьбу против примиренцев, в частности против представителя ЦК Гальперина («Валентин»).

Была у нас явка у одного ветеринарного врача за Бутырской заставой. Впоследствии оказалось, что этот врач был провокатором. Однажды на явке у него я стала расспрашивать Ленгника о Петропавловской крепости и сибирской ссылке. Ленгник отвечал очень односложно, но потом этот наш разговор фигурировал в обвинительном акте.

В июне 1904 г. были арестованы Ленгник, Бауман и Медведева. Я уцелела, потому что к этому времени уже переселилась в Кусково, так как заметила за собой слежку, и изменила свой внешний вид, одежду и прическу. Из предосторожности я ездила не по Нижегородской железной дороге, а по Казанской до станции Перово и оттуда парком возвращалась к себе на дачку. Ездить этим путем я начала после такого случая. Однажды, придя на Курский вокзал, я купила себе билет в отсутствие жандарма, который обычно стоял у кассы. Отойдя от кассы, я встретила жандарма, который спросил меня: «Куда изволите ехать?» Я ответила вопросом: «А зачем это вам?» «Да, так»,— ответил жандарм. «Ах, так? Ну так так»,— ответила я и отошла. Ясно было, что к жандарму обратился сыщик-филер и спросил, куда я еду. С вокзала, как известно, отходили поезда и по Курской и по Нижегородской железной дороге, и шпику нужно было знать, куда я еду. Я же, чтобы сбить его с толку, ходила между двумя поездами — один на Курск, другой на Иваново, оба пригородные — и вскочила в поезд только после третьего звонка.

Дачу в Кусково я нашла при посредстве инженера Латухина, с женой которого мы вместе учительствовали в Петербурге в воскресной школе. Они оба были членами нашей организации и всячески помогали нам и явками, и адресами, и ночевками. Когда были арестованы Бауман и Ленгник, то полиция явилась и к супругам Латухиным и усиленно расспрашивала обо мне. Очевидно было, что меня проследили, и я решила уехать из Москвы.

Сообщив хозяйке, что меня срочно вызывают в Тамбов к заболевшей тетке, я отправилась в Вешняки, сдав предварительно свой багаж на хранение на Николаевском вокзале. В Вешняках на даче П. Г. Дауге встретилась с П. А. Красиковым («Августом Ивановичем»), который должен был меня ночью проводить до какой-то станции на Нижегородской железной дороге, откуда я намеревалась уехать в Нижний. На явке было решено, что Северное бюро из Москвы переберется в Нижний Новгород и секретарством займется т. П. Кулябко («Мышь»), только что приехавшая из Одессы в Москву, так как в Одессе провалилось Южное бюро ЦК. Я должна была ехать в Одессу на ее место, но она упросила меня приехать на 1—2 дня в Нижний, чтобы там передать ей все свои связи. У меня были там знакомые среди земских деятелей, а у нее никаких связей не было, а работать без них, конечно, невозможно.

Проплутав довольно долго в темноте, мы вынуждены были вернуться на Казанскую дорогу, приехать в Москву и отправиться ночевать на дачу Красикова в Петровское-Разумовское. Наутро отправилась в Москву купить новую одежду, переоделась

и поехала на Нижегородский вокзал.

В вагоне я встретила знакомую по Петербургу Л Н. Пескову, которая с какой-то экскурсией ехала в Нижний. Это оказалось весьма кстати, так как я заметила за собой слежку. Из предосторожности я отдала Песковой адреса, которые не успела зашифровать (помню, было там только что полученное письмо из Архангельска с новым адресом). Однако утром, перед самым приходом поезда в Нижний, я не обнаружила подозрительной фигуры, которая следила за мной, и потому Пескова вернула мне все, данное ей на хранение, и мы расстались.

На вокзале в Нижнем я пошла в дамскую комнату, переоделась, сдала вещи на хранение, затем напилась чаю в буфете, написала условленные открытки в Москву и в Минск Крестниковым и направилась к выходу с вокзала. Но в дверях меня остановил жандарм и «пригласил» в комнату к дежурному офицеру. Я сказала, что только опущу открытки тут же, в подъезде, но он меня не отпустил. Тогда я вернулась в дамскую комнату и бросила в уборную все письма, адреса и документы, бывшие у меня. Чтобы сбить полицию с толку, я взяла пустые открытки в руки и направилась к дежурному офицеру, где и была арестована. После двухдневного пребывания в Нижегородской тюрьме меня перевезли в Москву, в Таганскую тюрьму.

Метод поведения на допросах

У нас был совершенно определенный метод поведения на допросах. Этот метод изложен в бывшей у нас тогда в ходу брошюре Бахарева «Как держать себя на допросе». Нас арестовывали всегда группами. На допросе каждый сочиняет, но какой-то кусочек является истиной, и жандармам обычно удавалось сопоставить эти кусочки истины и получить общую картину. А когда никто никаких показаний не дает, то жандармы не могут судить, кто у них в руках: то ли это руководитель комитета, то ли какой-нибудь переносчик литературы. Поэтому нашей линией было — не давать никаких показаний.

Арестована я была по паспорту вдовы коллежского асессора Елизаветы Павловны Беклемишевой.. На первом допросе в жандармском управлении я решила держать себя «по-дамски», а потому на первый вопрос жандарма ответила, что с незнакомыми я вообще не разговариваю.

— Как же быть? — спрашивает жандарм.

— Как делается в обществе,— говорю я,— или хозяйка дома представляет молодого человека, или он сам представляется.

Тут он встал, щелкнул шпорами и представился: «Поручик Фуллон». Я кивнула головой и сказала: «Очень приятно».

— Почему у вас возникло желание жить по чужому паспорту?

— Я вдова коллежского асессора Беклемишева.

— Нам известно, что вдова Беклемишева вышла замуж за Крестникова.

— Может быть, какая-нибудь вдова Беклемишева и вышла замуж за Крестникова, но я за Крестникова замуж не выходила.

— А может быть, вы девица Елена Дмитриевна Стасова?

— А почему я должна быть Елена Дмитриевна Стасова?

В таком духе долго шел у нас разговор, но с толку он меня не сбил. Он говорил, что меня видели в Петровском-Разумовском с Бауманом и Артуром Циглером (*прим.* Ф. В, Ленгником, приехавшим в Россию по паспорту Циглера). Я сказала, что я не так воспитана, чтобы гулять с незнакомыми мужчинами. Тогда он показал мне фотографии Ленгника и Баумана. Я сказала, что я этих людей никогда не видела, но мне уже ясно было, что меня узнали. Когда он стал писать протокол и спросил, признаю ли я себя виновной, я в свою очередь спросила;

— А кого вы спрашиваете?

— Беклемишеву!

— А кто вам сказал, что я — Беклемишева? Такой вопрос поставил поручика в тупик, и он растерялся, но потом овладел собою и сказал:

— Я спрашиваю девицу Елену Дмитриевну Стасову.

— А Стасова от всяких показаний отказывается.

— Тогда я спрашиваю Беклемишеву,— сказал он.

— Вы ее и спросите, я за нее отвечать не могу. Результатом долгой беседы был лишь пустой лист бумаги. Поручик Фуллон оказался в очень глупом положении. Когда жандарм отправлялся на допрос, то в соответственной книге записывалось: «В таком-то часу, такой-то пошел на допрос арестованного…». И вот после полутора часов разговора со мной поручик пришел с пустым листом бумаги. Ясно, что его спросили: «Чем же ты занимался в течение полутора часов?». И ясно, что ему влетело.

На следующем допросе присутствовал прокурор Виссарионов. На допросе я сказала, что показаний не даю. Тогда прокурор сказал:

- Ну, конечно, когда г. Плеханов и г. Аксельрод выработают новую тактику, вы будете давать показания.

- Когда г. Плеханов и г. Аксельрод выработают новую тактику, это — их дело, а я показаний не даю.

В другой раз во время допроса вошел старый жандармский генерал. Прокурор с жандармом вскочили, я осталась сидеть. Прокурор отрапортовал:

— Ваше превосходительство, обвиняемая Стасова никаких показаний давать не хочет.

— Почему вы, миленькая, не даете показаний? — обратился ко мне генерал.

— Не хочу и не буду давать,— ответила я.

На этом дело и окончилось.

Это все были допросы по московскому делу. Через некоторое время меня вызвали на допрос по петербургскому делу. Вернувшись в Таганскую тюрьму, я обратилась к начальнику тюрьмы с просьбой дать мне вторую камеру, в которой я буду сидеть по петербургскому делу, Как видно, настроение у меня было неплохое, раз я могла еще шутить.

Ленгник был арестован по паспорту баварца Артура Циглера и при аресте, да и в тюрьме изображал не понимающего по-русски. Тут пригодилось мое знание языков. Я все время была переводчиком в сношениях администрации с «Артуром». Когда же было установлено, что он — Ф. В. Ленгник, и, вернувшись в тюрьму с допроса, он, наконец, заговорил по-русски, то надзиратели сказали: «Вот и наш Порт-Артур пал» (в это время шла русско-японская война).

В июне того же 1904 г. было введено новое Уголовное уложение, согласно которому политические преступления разбирались в открытом заседании судебной палатой, а не в административном порядке жандармерией, как это было до сих пор.

С введением нового Уголовного уложения внезапно трех наших товарищей — одесситов, уже имевших место назначения, взяли и отправили в Одессу для нового разбора дела в судебном порядке. В тюрьмах в это время наряду с единичными прогулками были и общие прогулки для заключенных, уже получивших решение по своему делу. Оставшиеся после отправки одесситов 13 человек на общей прогулке сговорились между собой 1 ноября подать заявления о том, чтобы дело каждого из них назначили на январь и дали бы ответ до 10 ноября. Если ответа к этому сроку не будет, то каждый объявляет голодовку. Все остальные заключенные (еще не имев-

шие решения по своему делу) должны были присоединиться к голодовке, но нам эти товарищи поставили условием, чтобы мы к голодовке не прибегали до 16 ноября. Среди заключенных было много молодежи, и было опасение, что сгоряча они начнут голодать, а через день-два им станет трудно и они сорвут все дело. Однако 16 ноября, когда выявилось, что требования некоторых из числа 13 товарищей не удовлетворены, вся тюрьма, около 80 человек, примкнула к голодовке.

Это была «весна осенью» Святополк-Мирского (*прим.* П. Д. Святополк-Мирский — министр внутренних дел с августа 1904 г. до 9 января 1905 г. Ознаменовал свое назначение открытием так называемой эры «весны», т. е. незначительных уступок «обществу» (он несколько ослабил цензурный гнет над печатью, возвратил из ссылки некоторых либеральных деятелей и т. п.)).

Весть о голодовке разнеслась по всей России. Родные стали хлопотать об освобождении под залог тех заключенных, дела которых еще не были рассмотрены предварительным следствием. Вместе с нами в тюрьме сидел эсер Крумбюгель. Отец его был очень богатый человек. С него запросили сначала, кажется, 30 тысяч, а потом доторговались до 10 тысяч рублей.

В это же время и меня вызвали на допрос. Никаких показаний я не давала, и ехать через всю Москву в жандармское управление только за тем, чтобы заявить: «от показаний отказываюсь», у меня не было ни малейшего желания, и я категорически отказалась. По очереди к моей камере приходили дежурный офицер, заместитель начальника тюрьмы, но я твердила все то же: «не поеду!». Наконец, в дверь просунулась голова старшего надзирателя, который сообщил мне, что речь идет об освобождении. Тут уж я, конечно, согласилась поехать. Прокурор и жандарм встретили меня очень недовольные тем, что я заставила их долго ждать. Я ответила, что они зря меня вызвали, так как я все равно ничего не скажу.

- Ваш отец подал просьбу об освобождении под залог,— сказал прокурор.— Сможет ли он внести тысячу рублей?

Я ответила, что не знаю денежных дел отца, а вернувшись в тюрьму, послала отцу записку, чтобы он не вносил больше 500 рублей.

Мы добились того, что наши требования были удовлетворены, и голодовка на 11-й день прекратилась. После голодовки мой отец внес за меня залог. Записки моей он не получил и внес тысячу рублей, после этого я была освобождена. Запомнилось мне, что, пока я сидела в тюрьме, все товарищи, которых выпускали или высылали, обращались ко мне с просьбами дать им явку в тот или иной город, чтобы им связаться с организацией. Я всем давала адреса по памяти. Но вот один товарищ должен был уехать в Архангельск. А адрес оттуда я получила накануне ареста и успела только расшифровать его, а потом я никак не могла его вспомнить.

— Посмотри в своей записной книжке,— просит товарищ.

Он был уверен, что я сумела пронести записную книжку в тюрьму.

— Моя записная книжка,— ответила я,— у меня над надбровными дугами, т. е. в памяти.

При моем выходе из тюрьмы товарищи поручили мне просить Ленина написать брошюру о том, как держать себя на допросах и на суде в новой обстановке. В ответ Владимир Ильич прислал письмо, которое известно как «Письмо к Абсолюту» (*прим.* См. В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 49. «Абсолют» — была моя подпольная кличка). Хотя авторитет Владимира Ильича был огромный и мы очень прислушивались к тому, что он говорит, но если у нас бывали какие-либо сомнения, мы спокойно возражали ему. Это показывает, как к нам относился Владимир Ильич и как мы относились к нему,— не только как к вождю, но и как к чуткому товарищу. Я, например, писала,

что не совсем согласна с тем, что надо признавать себя социал-демократом, потому что этим даешь нить к заключению, что ты связан с какой-то организацией.

Из Москвы я уехала в Петербург и сейчас же опять вошла в работу. Р. С. Землячка передала мне все связи, и я опять стала секретарствовать в Петербургском комитете.

Гапоновщина

В это время среди рабочих шла усиленная подготовка к 9 января. История гапоновщины хорошо известна. Я здесь укажу только на то, что Петербургским комитетом было предъявлено требование, чтобы партийцы-большевики принимали участие во всех собраниях гапоновских кружков, которые проходили в это время по всему городу, и чтобы в петицию, которую собирались написать, были включены требования рабочих. Когда было назначено шествие к Зимнему дворцу, членам организации было категорически запрещено идти с оружием. Мы не представляли себе, что будет такой провокационный расстрел, но мы знали, что будут аресты, и, если бы у кого-нибудь оказалось оружие, правительство обвинило бы во всем рабочих. Нам, членам комитета, было категорически запрещено идти вместе с демонстрацией.

Мне в середине дня было дано поручение отвезти какой-то материал на Галерную улицу. Выполнив это, я спокойно шла по Большой Морской (ныне улице Герцена) по направлению к Невскому, и вдруг из Кирпичного переулка вышел взвод солдат и стал стрелять. Мы все бросились в сторону от Невского — на Гороховую. Навстречу нам в санях ехал какой-то генерал. Толпа, крайне возмущенная стрельбой, остановила извозчика, на котором ехал генерал, стащила с него шинель, вывернула ее наизнанку (подкладка была красная), и кто-то закричал: «Поезжай такой, если красных расстреливают,— то и ты будь красным».

1905 год

С весны 1905 г. я вела работу секретаря ЦК. В это время под влиянием событий 9 января и вообще революционных событий усилилось движение среди интеллигенции. В течение всего лета 1905 г. происходили съезды. Первым был съезд учителей, на котором я, как учительница, присутствовала. Состоялись съезды адвокатов, врачей, инженеров. Все эти съезды создавали свои союзы. В это же время был образован Союз союзов (*прим.* Созданное в мае 1905 г. объединение профсоюзов либеральной буржуазной интеллигенции (инженеров и техников, врачей, артистов, чиновников и др.). На всех съездах и в созданных ими союзах мы проводили свою большевистскую линию.

В августе 1905 г было назначено заседание судебной палаты в Москве по нашему делу (Баумана, Ленгника и др.). Мне пришлось передать другим товарищам секретарство в Петербургском комитете и заведование техникой и уехать в Москву. Дело должно было слушаться в судебной палате в Кремле, в зале, который теперь носит имя Свердлова. Не явились на суд только двое - Платон Александров и Ленгник. Они оба уже до того сидели в Петропавловской крепости, и оба болели туберкулезом. Мы боялись, что их сошлют на каторгу, и поэтому решили чтобы они на суд не являлись. Суд же не пожелал слушать дело без них. Тогда при помощи адвокатов всех, еще сидевших в Таганке, выпустили под залог, кроме Н. Э. Баумана. Мы с женой Баумана — Капитолиной Медведевой — хлопотали о том, чтобы и его выпустили под залог, но добиться этого нам не удалось.

В ЖЕНЕВЕ

Вскоре я уехала за границу. Меня направил в Женеву член ЦК партии Богдан

Кнунянц для заведования всеми техническими делами ЦК за границей. Уехала я не по своему паспорту, а по паспорту одной моей знакомой — Веры Изнар, жены адвоката Сергея Адольфовича Изнара.

В Женеве я принимала участие в работе Хозяйственной комиссии ЦК РСДРП. Она была создана в целях объединения и руководства отдельными техническими функциями местных комитетов.

Приехав в Женеву, я сейчас же пошла к «Ильичам» — так называли мы квартиру, где жил Владимир Ильич, его жена — Н. К. Крупская и ее мать — Елизавета Васильевна. Застала я Владимира Ильича в квартире одного. Он сразу же потащил меня в общую их комнату, которая была и столовой, и кухней, и засыпал меня вопросами о том, что творится в России, в Петербурге, в Центральном Комитете и в Петербургском комитете. Но вдруг он сказал: «Подождите». Быстро встал, подошел к буфету, вынул чайник, налил воду в него, зажег газ, накрыл на стол и только после того, как приготовил все к чаю, продолжал меня снова расспрашивать.

Нужно сказать, что Владимир Ильич по-особому слушал. Он так умел направить своими вопросами мысль собеседника, что тот рассказывал именно то, что было нужно Владимиру Ильичу.

Когда я закончила, Владимир Ильич сказал:

— Вам нужно сделать доклад для здешней колонии, рассказать обо всех съездах, союзах и т. д.

Я стала отнекиваться, потому что никогда я до тех пор докладов не делала, а тут предстояло выступить перед целой колонией, т. е. всеми жившими в Женеве русскими. Владимир Ильич настоял на своем. Во время подготовки к докладу я увидела, каким блестящим учителем был Владимир Ильич. Когда я составила план доклада, он двумя-тремя указаниями исправил его недодостатки а потом исправил также и мои тезисы. На собрании он председательствовал. После окончания доклада он сделал несколько замечаний, а потом пошутил:

«Вы можете делать доклады лучше, чем Аксельрод-Ортодокс».

В Женеве я впервые услышала Владимира Ильича как оратора. Мне сейчас трудно вспомнить точно тему его доклада. Это был один из вопросов, обсуждавшихся на III съезде партии. Сила логики Владимира Ильича была такова, что он как бы охватывал слушателя какими-то невидимыми щупальцами и вел его туда, куда он хочет. Логика его была такой, что никуда от нее не уйдешь. Даже меньшевики после его выступления не сразу «пришли в себя». Никаких восклицаний, реплик не было. Вопросов по окончании доклада тоже не было, и только на другой день меньшевики начали яростно спорить с нами, никак не соглашаясь с мнением Владимира Ильича.

Попутно скажу о Плеханове. Я его до тех пор никогда не слышала и, приехав в Женеву, не пошла к нему. И не пошла вот почему. Когда мы узнали, что на II съезде он повел линию против Ленина, Петербургский комитет не был с ним согласен. Один из товарищей, Эдуард Эдуардович Эссен, в это время поехал в Женеву, и мы просили его, чтобы он высказал наше неодобрение Плеханову. Плеханов на это ответил ему: «Ваши папаши еще не были женаты на ваших мамашах, когда я был уже революционером». Вскоре после своего приезда я слушала доклад Плеханова. Это был оратор совсем другого типа, чем Ленин. Он говорил очень красивыми, отточенными фразами, с красивыми жестами, но у него не было той логики, что у Ленина.

Запомнился мне еще один момент, связанный с пребыванием в Женеве. Владимир Ильич как-то утром пришел ко мне и стал расспрашивать о Баумане. Я рассказала обо всем — о том, как мы работали с Николаем Эрнестовичем в Москве, как

сидели в Таганской тюрьме, как мы связывались с ним, когда он был посажен в изолятор. У нас был «телефон». Это была веревочка, на конце которой висел мешочек с песком. В мешочек вкладывалась записка. Я высовывала руку из окошка через решетку, и товарищ, сидевший сверху или сбоку, бросал мешочек с запиской ко мне, а я в свою очередь другому товарищу и т. д. Бауман сидел за углом, но все-таки при помощи «телефона» мы и с ним общались. В свое время у нас даже рукописная газета выходила, в которой была помещена статья о работе Ленина «Шаг вперед, два шага назад».

Я рассказала обо всем этом Владимиру Ильичу. Рассказала и о том, как мы хлопотали об освобождении Баумана и что нам это не удалось. Вот тут Владимир Ильич и рассказал мне, что К. Медведевой это удалось, наконец, и Николай был освобожден, выступил на митинге, а потом был убит черносотенцем, рассказал о похоронах его. И только после этого передал мне газету «Обсервер», где все это было напечатано.

Владимир Ильич тогда нашел время прийти ко мне, несмотря на всю свою занятость. Он оставил все дела, чтобы рассказать мне о Николае Эрнестовиче, так как он знал, что я дружила с ним и что мне было бы очень тяжело узнать о смерти Николая из газет. Этот штрих говорит о том, каким чутким товарищем был Владимир Ильич.

В России началась революция, и вскоре Ленин уехал из Женевы.

Я осталась в Женеве по специальному указанию Владимира Ильича. «Ну, остальные, пожалуй, уедут,— сказал он,— а если мы оставим Варвару Петровну (моя кличка в Женеве), то она доведет дело до конца». Хозяйственная комиссия таким образом превратилась в «Ликвидационную комиссию», которая и провела ликвидацию всех наших дел в течение ноября — декабря. За это время мы привели в порядок и продали женевскую типографию, уложили и отправили в Стокгольм (в Народный дом, на имя Брантинга) всю библиотеку и весь архив партии. Эти ящики и чемоданы долго стояли на хранении в Стокгольме, а потом, как рассказывали товарищи, не то при перестройке Народного дома, не то при переезде его в другое помещение часть хранившегося была сожжена.

В то время в Берлине было создано «Издательство И. П. Ладыжникова», которое закрепляло право издания сочинений Алексея Максимовича Горького на иностранных языках, выпуская его сочинения по-русски в Берлине. Алексей Максимович давал партии большие средства. Поэтому-то и было организовано это общество. В нем работали Ладыжников Иван Павлович, Авраамов Роман Петрович (болгарин, который потом работал в Наркомделе) и я.

В январе 1906 г. я вернулась в Петербург и до конца февраля работала в качестве секретаря Петербургского комитета.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

В феврале 1906 г. мне было поручено поехать в Финляндию и принять от Н. Е. Буренина работу по связи с заграницей: переправку людей в Швецию и получение оружия, приобретенного для готовившихся восстаний. Оружие поступало через сухопутную границу (Торнео — Хапаранда) и через морскую (Або, Ганге, Ваза — Стокгольм).

Часть оружия мы получали из Бельгии. При этом представитель фирмы Шредер жульничал и продавал нашим товарищам не очень хорошее оружие. Мне пришлось поехать из Женевы в Брюссель для того, чтобы побеседовать об этом с К. Гюисмансом, одним из лидеров бельгийской социалистической партии, и добиться от бельгийцев, чтобы они нам давали хорошее оружие.

Одновременно я должна была наладить в Финляндии организацию Объединительного съезда и переправу товарищей в Стокгольм и обратно. Первое, что мне пришлось взять на себя в Гельсингфорсе, когда я туда приехала, это была отправка в Питер последних товарищей (из группы латышей-партийцев), которые произвели экспроприацию в Государственном банке. Туда же я отвезла и часть денег, добытых при этой экспроприации, что-то около 10 тысяч рублей золотом и на небольшую сумму серебра в монетах рублевого достоинства. Серебро было отправлено, насколько я помню, через машинистов, а золото пришлось мне лично перевезти в Питер, положив его в пакетик под лиф и продержав так всю ночь, вплоть до Питера. Одного из латышей, блондина, я безуспешно пыталась превратить в брюнета. Ни я, ни он понятия не имели, как это делать. Купленная для этого жидкость нещадно воняла сероводородом. Волосы на голове еще удалось кое-как перекрасить, но когда дело дошло до усов, парень не выдержал. Пришлось их просто сбрить. Имени его я ни тогда, ни после не знала. По обыкновению, я знала только его кличку. Делалось это с целью, чтобы в случае ареста при допросе, когда будут называть имена, даже случайной игры физиономии не было. И жандармы, называя настоящие имена, называли действительно незнакомые мне имена.

Итак, я поселилась в Финляндии. Основная моя квартира была в Гельсингфорсе (Хельсинки), но в моем ведении были города, куда прибывала литература, а именно Або (Турку) и Ганге. Это был, так сказать, морской путь. Одновременно я нащупывала возможности для организации проезда делегатов на намечавшийся весной IV съезд нашей партии. С этой целью я ездила в Стокгольм на пароходе «Борэ» (их было два: «Борэ I» и «Борэ II»), который курсировал круглый год между Або и Стокгольмом.

В Стокгольме Н. Е. Буренин имел связь с социал-демократом Брантингом. Эту связь помог нам, большевикам, установить Владимир Мартынович Смирнов, наш старый товарищ еще по Петербургу, когда он учился в университете. Мать В. М. Смирнова—Виргиния Карловна была шведка, и В. М. Смирнов владел и финским и шведским языками. По окончании университета он поселился в Гельсингфорсе, где работал библиотекарем в Гельсингфорсской университетской библиотеке. Там он устроил нам, партийцам, явку к профессору Игельстрему — главному библиотекарю и, очевидно, сочувствующему нам. Другой явкой служил винный магазин Вальтера Шеберга. Это был член финской социал-демократической партии. У него, между прочим, в 1905 г. скрывались матросы — участники восстаний. Много помогали нам в работе члены финской Красной гвардии, в том числе их командир — капитан Кук.

Съездив в Стокгольм к Брантингу, я сговорилась с ним, что съезд можно будет провести в Народном доме в Стокгольме (Брантинг был директором этого дома). Договорившись о помещении для съезда и разузнав, в каких гостиницах можно будет поселить делегатов, я снеслась с Лидией Михайловной Книпович («Дяденькой»), которая должна была поселиться в Стокгольме для встречи делегатов и размещения их по гостиницам. Ей легко было это сделать, так как она владела шведским языком.

В Петербурге приемом делегатов, съезжавшихся с разных концов России, ведала Надежда Константиновна Крупская. В Гельсингфорсе принимала их я, а тех, которые ехали в Або, принимал Валериан Иванович Богомолов («Черт»). Иногда мы с ним менялись местами, т. е. он приезжал в Гельсингфорс, а я в Або. Когда же нужно было переправить сразу большое количество делегатов, мы приезжали в Ганге. Так, например, однажды мы с «Чертом» узнали, что скапливается сразу большое количество делегатов. На «Борэ» они были бы очень заметны. На этом пароходе мы пере-

правляли по 2—3 делегата, не больше. Пришлось нам большую группу переправить через Ганге под видом экскурсии учителей. Каждый делегат получил при этом задание — обзавестись соответствующей одеждой, т. е. костюмом — тройкой, чтобы не вызывать никаких подозрений.

На обратном пути дело обстояло так: Л. М. Книпович давала делегату денег и явку либо до Ганге, либо до Мариенгамна на Аландских островах, либо до Або. Приехав в Мариенгамна товарищи задерживались там на 3 дня, если мне не изменяет память, потому что пароход в Мариенгамн приходил и отходил один раз в 3 дня. Это нас устраивало: важно было разрядить их приезд в Россию. Из Ганге, Або и Мариенгамна они получали деньги и явки в Гельсингфорс, а там явку и деньги только до Выборга. Все это делалось с той же целью избежать одновременного приезда в Петербург. Из Выборга они ехали с пригородными (дачными) поездами и прибывали в Питер в одиночку. Благодаря этой системе возвращения в Петербург царская полиция, хотя она, конечно, узнала о съезде в Стокгольме, не задержала ни одного делегата, и все они благополучно вернулись в свои организации и смогли доложить пославшим их о работе и решениях съезда.

На обратном пути из Стокгольма Владимир Ильич остановился в Ганге и там писал свою статью о кадетах. Один из грузин рассказал мне очень много интересного о тифлисских кадетах. Выслушав его, я подумала, что Владимиру Ильичу пригодится этот материал для статьи, и направила этого товарища к Ленину, не сказав, к кому я его направляю. Через некоторое время он приходит ко мне и говорит:

— Что ты наделала!

- А в чем дело?

- Знаешь, я пришел к товарищу,— он стал так на меня смотреть, что мне стало страшно!

И жестом он показал, как Владимир Ильич прищурил левый глаз, а правым стал смотреть через растопыренные пальцы. Действительно, у Владимира Ильича была такая манера. Только во время последней его болезни было установлено, что у Владимира Ильича один глаз близорукий, другой—дальнозоркий, и, прищуривая один глаз и ставя перед другим глазом растопыренные пальцы, он как бы корректировал свое зрение. А так как взгляд у него был действительно очень острый, казалось, что он вас пронизывает насквозь. Пришедший к Ленину смутился, но потом со свойственной ему горячностью увлекся и рассказал все Владимиру Ильичу. На его упрек, почему я не сказала, что посылаю его к Ленину, я ответила:

— Зачем было говорить тебе? Узнав, что я посылаю тебя к Ленину, ты стал бы сочинять свой доклад, вместо того, чтобы все рассказать ему просто и ясно, как мне рассказывал.

Первая легальная маевка в моей жизни была в Гельсингфорсе. Финская социал-демократия существовала легально. Секретарем организации и редактором газеты «Туотуез» был тогда т. Сирола.

Шли мы на маевку вместе с финским товарищем, впервые пошедшим на демонстрацию,— Вальтером Ивановичем Шеберг. Демонстрация направилась в Доюргорден (что соответствует берлинскому Тиргартену; никаких зверей в этом парке, как и в берлинском, нет). Это был излюбленный парк, куда собирались жители Хельсинки погулять. Демонстрация прошла с огромным подъемом и организованностью. В ней принимали участие и «активисты» и финская Красная гвардия во главе с капитаном Куком. В Финляндии еще не сошла волна подъема после 1905 года. Революционные традиции по существу только еще воспринимались от нас, большевиков, финскими руководителями.

После демонстрации пели революционные песни, а потом, разбившись на группы, разбрелись по парку, делились воспоминаниями, говорили о недавнем убийстве Гапона, о всей гапоновщине и т. д.

По окончании съезда я передала работу по переправе «Черту», а сама вернулась в Питер и вплоть до ареста 7 июля 1906 г. была секретарем Петербургского комитета вместе с Раисой Аркадьевной Карфункель (от меньшевиков). После Объединительного съезда Петербургский комитет был объединен.

Весной 1906 г. партия проводила кампанию по выборам в первую Государственную думу. По сути дела большевики проводили бойкот Думы. В числе докладчиков был в моем распоряжении Владимир Ильич. Карфункель часто мне говорила: «Какая ты счастливая, что у тебя есть такой оратор, как Владимир Ильич. У меня такого оратора нет».

Когда я вызывала Владимира Ильича на явку, чтобы послать его на собрание, он всегда точно являлся, а после выступления всегда приходил на явку и докладывал — сколько человек было на собрании, какие вопросы были заданы и какие недостатки он заметил в организации, где выступал.

ВТОРОЙ АРЕСТ И ВЫСЫЛКА

Этим же летом Петербургский комитет проводил конференцию, заседания которой проходили сперва на Загородном проспекте, в помещении Союза инженеров-путейцев, потом в Териоках (ныне Зеленогорск). Последнее заседание должно было состояться на Английском проспекте, насколько помню, в помещении Союза горных инженеров. Это заседание не состоялось, так как не собрался кворум. Я и Карфункель, как секретари ПК, уходили последними. С нами оставался П. А. Красиков. Вышли мы из помещения и видим, что готовится облава. Перед нами была масса городовых и жандармов. Мы сразу разделились, как бы не имея никакой причастности друг к другу. Однако нас всех троих задержали и отвели в участок, а потом я попала в тюрьму Литовского замка.

Была с нами одна эсерка (имя ее забыла), которая болела, но ее никак не хотели поместить в больницу: Мы пользовались общей прогулкой в саду тюрьмы. Вот мы и решили устроить забастовку — не уходить с прогулки, пока нам не дадут обещания поместить товарища в больницу. Началась беготня начальства, уговоры, но все тщетно. Мы требовали, чтобы пришел прокурор. Наконец, он явился — и наше требование было удовлетворено.

Во время моего пребывания в Литовском замке меня навещал и приносил передачу лакей, служивший у моих родителей, Роман Васильевич Смирнов. Он очень меня любил и несколько раз выручал. Находя запрятанные мною листовки, он приносил их мне. Его потомки и по сей день живут в Ленинграде. Они разыскали меня и до сих пор переписываются со мною. Они хорошо помнят, как Роман Васильевич заботился обо мне.

В Литовском замке наша женская политическая камера установила строгий режим в смысле использования дня. Были часы, когда мы по очереди читали вслух всей камере. Вспоминаю, что читали А. М. Горького. Были часы полной тишины, но в камере было тесно — нельзя было разложить книги и тетрадь для записи. Мы добились того, что двум из нас позволяли заниматься в соседней камере, где нас запирали.

Вскоре после нашей забастовки нас всех из Литовского замка перевели в разные тюрьмы: кого в Дом предварительного заключения, кого в пересыльную тюрьму.

Меня перевели в предварилку. Опять общая камера. Сидела в этой камере со мною племянница Менделеева, эсерка. Она уже несколько ночей подряд дежурила у зак-

люченной, душевнобольной, и совершенно измоталась, обессилела. Она попросила меня подежурить одну ночь у больной, так как вопрос о переводе ее в больницу разрешен, но технически еще не выполним. Прекрасно помню эту ночь. Когда я пришла в ее камеру, заключенная радостно приветствовала нового человека. И сразу она стала рассказывать мне о себе, о своей жизни, и все шло как будто гладко, но, дойдя до определенного момента, она остановилась, сказала: «Я устала». И вдруг, посмотрев в окошко, спросила: «Ведь это голубь пролетел?». Я ответила: «Да, голубь». «Так ведь я понимаю, что у меня перед глазами!» И опять начался старый рассказ о жизни и опять вопрос о чем-то из окружающего и снова:

«Так я же не сумасшедшая!». На следующий день ее увезли при помощи Менделеевой в тюремную больницу.

Через несколько дней до нас дошел слух о том, что в пересыльной тюрьме дежурный солдат застрелил одну заключенную, которая взобралась на окошко. Было решено провести демонстрацию протеста, а именно отказаться от прогулки, от посещений и занавесить окна в знак траура. Так мы и сделали все, сидевшие в общих камерах и в одиночках. Я в ту пору уже сидела в одиночке. Конечно, пришедшие на свидание к заключенным и не повидавшие их всполошились, и наша демонстрация получила широкую огласку, чего мы и добивались.

Просидела я в Литовском замке и в Доме предварительного заключения до сентября. А так как у меня, кроме статьи для легальной нашей газеты «Эхо», ничего кр нашли то меня только выслали из Питера. Я уехала я юг — в Сухуми. Отец хлопотал об отмене запрещения мне жить в Питере. И вот в январе 1907 г. я опять в Питере. Меня вызвал к себе градоначальник и добивался от меня слова, что я не буду заниматься революционной работой. Я на все его вопросы отвечала так неопределенно, «то он не мог сделать никаких выводов и отпустил меня. Конечно, работы я своей не оставила и снова секретарствовала в Петербургском комитете.

В ГЕРМАНСКОЙ КОМПАРТИИ

В мае 1921 г. я была направлена на подпольную работу в Германию в качестве представителя Коминтерна. В течение 5 лет я работала как член Коммунистической партии Германии. Вначале я была избрана оргсекретарем ЦК, а потом председателем ЦК «Красной помощи» (Rote Hilfe) Германии. Здесь я имела возможность познакомиться со многими коммунистами из всех стран, связанными с ИККИ, Секретарем Оргбюро ЦК был Вильгельм Пик.

Одновременно я была членом уличной ячейки в округе Моабит в Берлине. В этой же ячейке состоял поэт Иоганнес Бехер. Мы с ним вместе частенько разносили листовки по квартирам рабочих округа.

Моя партийная кличка была Герта, а паспорт немецкий был у меня на имя Лидии Вильгельм. Дело в том, что в Германию я приехала по канадскому паспорту, срок которого истекал. В целях легализации в Германии я была по паспорту Лидии Константиновны Липницкой, «выдана замуж» за немца Эрнста Вильгельма, что было оформлено не то в Лейпциге, не то в Дрездене. Таким образом я получила немецкий пятилетний паспорт, который я потом два раза обменивала в соответственных немецких полицейских участках в Берлине, проезжая через Берлин после 1926 г. По этому же паспорту я дважды принимала участие в выборах в рейхстаг. Голосовала, конечно, за коммунистов…

Отсутствие дисциплины

…Работая в Оргбюро КПГ, я поражалась отсутствием дисциплины и конспиративности среди членов ЦК КПГ. Если кто-нибудь из членов ЦК был не согласен с постановлением, только что принятым, то он тут же в коридоре мог открыто говорить об этом постановлении и о своей позиции по этому вопросу. В рядах нашей партии это было немыслимо, и я никак не могла примириться с таким поведением…

…Вспоминается, как в 1923 г. в Берлин прибыли бежавшие участники потерпевшего поражение Гамбургского восстания. Они не имели ни малейшего представления о правилах конспирации. Один из них, например, живя нелегально у товарища, стал пробовать, разряжен ли у него пистолет. Раздался выстрел. Пуля пробила пол и потолок в нижней квартире. Вильгельм Пик и я очень сурово критиковали их за это. И вот на собрании «Красной помощи» один из этих товарищей заявил, что когда они придут к власти, то на первых фонарях повесят В. Пика и Герту. Пик ответил, что это, конечно, их воля, но, пока они еще не пришли к власти, диктовать им правила поведения будет ЦК партии, и они обязаны следовать его указаниям…

Работая как представитель Коминтерна в Берлине с 1921 по 1926 г я видела многие ошибки и неправильности, которые допускал Зиновьев как руководитель Коминтерна. В декабре 1925 г., приехав на заседание Исполкома Коминтерна и съезд партии, я через т. Мехлиса заведовавшего тогда секретариатом И. В. Сталина, обратилась к И. В. Сталину с предложением использовать меня, как владеющую тремя иностранными языками, для обеспечения нашей партии точной информацией о зарубежных странах и партиях. Предложение мое было принято. И вот с февраля 1926 г. я работала в Информбюро ЦК партии.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Начало войны застало меня на отдыхе. Я стала требовать немедленного возвращения к работе, но так как это было после перенесенного воспаления легких, то врач меня не отпускал. Однако я все же вернулась досрочно и подняла вопрос о том, чтобы использовали мое знание языков на специальной работе. Когда же началась эвакуация, я выразила желание на случай вторжения гитлеровцев остаться в эвакуированной Москве для нелегальной работы, изобразив из себя дворянку — противницу советского строя. Этого мне не разрешили, и 16 октября 1941 г. мне пришлось эвакуироваться из Москвы в Красноуфимск.

***